

С. А. Порфирий

**Жизнь святого Григория
Богослова**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 37-053.2
ББК 74.27я7
С11

С11 **С. А. Порфирий**
Жизнь святого Григория Богослова / С. А. Порфирий – М.: Книга по Требования-
нию, 2015. – 99 с.

ISBN 978-5-518-06976-3

Архимандрит Порфирий. Жизнь святого Григория Богослова.

Москва, 1864. Типография В. Готье.

ISBN 978-5-518-06976-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованияю», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

видѣніе было отвѣтомъ на молитву Нонны о дарованіи ей сына; при этомъ, подобно матери Самуиловой, она произнесла обѣтъ посвятить испрашиваемаго сына Богу, и когда удостоилась исполненія своей молитвы, съ особенною ревностію озаботилась и исполненіемъ обѣта. Этотъ-то сынъ молитвы матерней и получилъ въ послѣдствіи наименованіе Григорія Богослова. Какъ скоро сынъ сдѣлался способнымъ понимать наставленія, Нонна, обнимая его, сказала ему, что она также передаетъ его Богу, какъ Авраамъ

верха и совершенства. Попечительностію и неуспынностію она такъ умножила все въ домѣ, какъ бы вовсе не знала благочестія. Но и столько была усердна къ Богу и всему божественному, что какъ бы не занималась домашними дѣлами. Умѣя пріобрѣтать нужныя стяжанія, она умѣла и благотворить, и въ ней такъ было непомѣрно желаніе раздавать милостыню (а задача сія лежала на ея рукахъ), что если бы позволили ей черпать изъ атлантическаго или другаго обширнѣйшаго моря, и того бы ей не достало. Все имущество (120 ст.), какое было въ ея домѣ, она почитала скуднымъ для дѣлъ благотворенія и неоднократно говаривала, что, если бы можно было, въ пользу нищихъ отдала бы себя и дѣтей. Кромѣ сего она болѣе всѣхъ въ то время оказывала уваженіе рукъ и лицу священниковъ. Въ ней нельзя не признать важнымъ и того, что никогда не обращала хребта къ досточтимой трапезѣ, никогда не плевала на полъ въ Божіемъ храмѣ; встрѣчаясь съ язычницею, никогда неслагада руки съ рукою, не прикасалась устами ко устамъ, хотя бы встрѣтившаяся отличалась скромностію и была изъ самыхъ близкихъ; со вкушавшими нечистой трапезы, не только добровольно, но и по принужденію нераздѣляла соли. Еще уди-

Исаака, умоляла его во все время жизни сообразоваться съ ея святымъ желаніемъ, и всего болѣе внушала ему заниматься чтеніемъ св. Писанія, для чего въ дѣтствѣ еще подарила ему свитокъ священнаго Писанія.

Въ это время мое нѣжное сердце, говорить Григорій, было подобно недавно ссѣдшемуся творогу, который скоро принимаетъ видъ всякаго сосуда (4, 311.). А потому матерія на-

вительнѣе то, что она хотя сильно поражалась горестями даже чужими, однако же никогда не предавалась плотскому плачу до того, чтобы скорбный гласъ исторгся прежде благодаренія, или чтобы при наступленіи свѣтлаго праздника оставалась на ней печальная одежда. Иновѣріе супруга такъ было тяжело для ея сердца, что она день и ночь припадала къ Богу въ постѣ и со многими слезами просила у него даровать спасеніе мужу ея. Кромѣ молитвы и собственной ревности о благочестіи, къ обращенію его на путь истины она употребляла и другія доступныя средства: и упреки и увѣщанія, услуги и отлученіе; при всемъ этомъ понимала, что ей надобно какъ водѣ пробивать камень, непрестанно падая на него по каплѣ, и отъ времени ожидать успѣха; наконецъ одно сновидѣніе мужа представило ей прекрасный случай къ его обращенію въ христіанство. Отцу моему представилось, говорить Григорій, будто бы постъ онъ стихъ Давида: *возвеселился о рекшихъ мнѣ: въ домъ Господень пойдемъ.* Мать объяснила сновидѣніе въ самую добрую сторону; и онъ вскорѣ согласился принять крещеніе. Во время крещенія, когда выходилъ изъ воды, осіялъ Григорія необыкновенный свѣтъ, видный и многими изъ присутствовавшихъ, особенно же тѣмъ, кто крестилъ и миропомазывалъ его. Черезъ нѣсколько времени Григорій былъ посвященъ въ пресвитера, а вскорѣ и въ епископа. Несмотря на то, что его пасомые упо-

ставленія такъ сильно подѣйствовали на мое сердце, что я еще въ дѣтствѣ обнаруживалъ какую-то старческую степенность и рѣдкіе порывы къ подвигамъ благочестія; мало по малу какъ облако къ облаку скоплялось во мнѣ усердіе къ усовершенію, съ радостію читалъ я книги,

добились пажити заросшей лѣсомъ и одичавшей, онъ безъ труда умягчилъ ихъ нравы, какъ благоразумными пастырскими наставленіями, такъ и тѣмъ, что себя самаго предлагалъ въ образецъ всякаго превосходнаго дѣла. Желая внушить усердіе къ богослуженію, онъ пожертвовалъ часть денегъ на построеніе (115 стр.) такого храма, лучше котораго и нельзя было желать Пазіанзіанамъ. Послѣ посвященія во епископа, въ сострадательности и щедрости къ нищимъ Григорій нисколько не уступалъ супругѣ, а въ тоже время отличаясь и глубокимъ смиреніемъ, но смиреніе выражалъ не согбеніемъ выи, не пониженіемъ голоса, не наклоненіемъ внизъ лица, не походкою, но признаніемъ своего недостойнства предъ Богомъ. Въ незлобіи онъ могъ равняться съ архидіакономъ Стефаномъ,—у него не было промежутка времени между выговоромъ и прощеніемъ, такъ что скоростію помилованія почти всегда закрывалось огорченіе, какое соединялось съ его выговоромъ (123). Въ числѣ угрозъ бывали колеса и бичи, являлись и исполнители наказанія, бывала опасность пожатія ушей, удара въ щеку, пораженія въ челюсть, но этимъ и прекращалась угроза. Роса долѣе удерживаетъ солнечный лучъ, падающій на нее утромъ, чѣмъ въ лемъ удерживался какой либо остатокъ гнѣва. Да ему не пужно было и раздражаться, потому что онъ былъ страшенъ для оскорбителей и однимъ своимъ благочестіемъ. Не произносилъ онъ ни одного слова молитвеннаго или клятвеннаго, за которымъ бы не послѣдовали тотчасъ или долговременное благо, или временная скорбь. Многихъ изъ огорчившихъ его постиг-

въ которыхъ проповѣдуется о Богѣ, и имѣлъ обращеніе съ мужами, которые совершенны по правамъ (6, 8); Христосъ явно бесѣдовалъ съ рабомъ своимъ, и когда я достигъ лѣтъ отроческихъ, связалъ меня любовію къ цѣломудрію,

до въ скоромъ времени явное Божіе наказаніе; иныхъ бросали вверхъ волю, сдавленные ярмомъ, другихъ повергали на землю и топтали кони, дотолѣ самые покорные и смиренны, а нѣкоторыхъ постигала сильная горячка и мучили мечтанія о собственныхъ проступкахъ. При частыхъ болѣзненныхъ припадкахъ Григорій искалъ утѣшенія и подкрѣпленія только въ молитвѣ и въ совершеніи литургіи, и, что особенно удивляло всѣхъ знавшихъ его тогда, этимъ средствомъ въ праздникъ пасхи онъ излѣчился отъ такой болѣзни, которой окончаніи нисколько нельзя было ожидать въ скоромъ времени. Въ царствованіе Юліана онъ такъ открыто и безбоязненно противо-дѣйствовалъ коварнымъ замысламъ богоотступника, какъ это можно представить только въ жаркомъ ревнителѣ вѣры и благочестія (133). Что касается до умственныхъ его качествъ, то хотя и поздно началъ онъ учиться слову Божію, но, занявшись имъ со всѣмъ усердіемъ, въ непродолжительномъ времени пріобрѣлъ столько мудрости, что сдѣлался учителемъ православія (165), отцемъ и пастыремъ пастырей (311) и даже какою-то мощію пастырей (6, 7). Не перечисляя другихъ достоинствъ своихъ родителей, св. Григорій въ похвальному словѣ имъ дозволилъ себѣ сдѣлать такое обращеніе къ слушателямъ: „всѣмъ вамъ извѣстны мои родители, видимы и слышны ихъ добродѣтели, вы подражаете и удивляетесь имъ, а незнающимъ, если есть таковыя, рассказываете, избирая для сего одинъ то, другой другое, да и невозможно было бы одному пересказать о всемъ. Такое дѣло, сколько бы кто ни былъ неутомимъ и ревностенъ, требуетъ не одного языка (Сл. 7, 242).

обуздалъ мою плоть, вдохнулъ въ меня горячую любовь къ божественной мудрости и къ жизни монашеской (4, 225). Душа Григорія была такъ чиста, безмятежна и выспрення въ созерцаціяхъ, что и во снѣ предносилъ предъ духовными его очами христіанскія добродѣтели въ олицетворенномъ видѣ. «Такъ, когда я былъ еще юнымъ отрокомъ, говоритъ Григорій, среди глубокаго сна мнѣ представлялось, что подлѣ меня стоятъ двѣ дѣвы въ бѣлыхъ одѣждахъ, обѣ прекрасныя и одинаковыхъ лѣтъ. Все убранство ихъ состояло въ томъ, что онѣ не имѣли на себѣ уборовъ. Поясъ стягивалъ ихъ прекрасную одежду, спускавшуюся на ноги до пятъ. Головное покрывало закрывало ихъ ланиты, и онѣ стояли пошкпнувъ взорами къ землѣ. Но изъ-подъ покрывала плотно прилегавшихъ къ лицу, можно было примѣтить, что обѣихъ украшалъ прекрасный румянецъ стыдливости. Уста ихъ, заключенныя молчаніемъ, уподоблялись розѣ, лежащей въ окропленныхъ росой чашечкахъ. Онѣ полюбили меня за то, что я съ удовольствіемъ смотрѣлъ на нихъ; какъ милаго сына цѣловали меня своими устами, и на вопросъ мой, что онѣ за женщины и откуда, отвѣчали: одна изъ насъ—чистота, а другая—цѣломудріе. Мы предстоимъ Царю Христу, и усаждаемся красотами небесныхъ дѣвственниковъ. Соседи и ты умъ твой съ нашими сердцами, и свѣтильникъ твой съ нашими свѣтильниками, и мы тебя, просвѣтленнаго, пере-

несемъ чрезъ эфирныя высоты, поставимъ предъ сїяніемъ безсмертной Троицы. Сказавъ сіе, онѣ унеслись по эфиру, и взоръ мой слѣдовалъ за отлетающими.» — Этотъ сонъ рѣшительно и навсегда побудилъ Григорія отринути тяжелое иго супружества и возлюбить высокій жребій вѣчно-юныхъ существъ, т. е. ангеловъ; и въ лѣтахъ мужества сердце Григорія, по собственнымъ словамъ, долго и часто услаждалось досточтимыми видѣніями этой незабвенной ночи и обликами свѣтлой дѣвственности. Но въ отрочествѣ же, когда еще не опушились ланиты Григорія, имъ овладѣла какая-то пламенная любовь къ наукамъ (6, 9). Чрезъ это Промыслъ видимо приготовлялъ его къ высокому служенію въ Церкви, для котораго недостаточно было того образованія, какое могъ найти въ дому родительскомъ, или въ обществѣ съ людьми, заботившимися только о спасеніи своей души, но незнакомыми съ духомъ научнаго образованія. Съ свѣтскими науками Григорій прежде всего ознакомился въ Кесаріи Каппадокійской, но долго ли онъ обучался здѣсь, неизвѣстно; въ сочиненіяхъ Григорія есть указаніе только на то, что онъ здѣсь же положилъ начало знакомству съ Василіемъ Великимъ (сл. 43). Послѣ сего побывавъ напередъ на родинѣ, онъ отправился въ Кесарію Палестинскую, гдѣ также процвѣтало училище краснорѣчія (сл. 7), и гдѣ слушалъ ритора Осеспесія. Затѣмъ онъ собралъ нѣсколько свѣдѣній въ Александріи

(6, 9), и отсюда, движимый пламенною любовію къ пріобрѣтенію познаній, отправился въ Аѳины въ ноябрь мѣсяцѣ, во время самое опасное для плаванія по морю. Когда огибали островъ Кипръ, поднялась страшная буря и двадцать дней держала всѣхъ пльвшихъ въ чрезмѣрномъ страхѣ и опасеніи за свою жизнь. При этомъ и корабельные служители, и хозяева корабля, и путешественники, всѣ даже незнавшіе прежде Бога, единогласно призывали Христа для избавленія отъ смерти обыкновенной. Но для Григорія еще ужаснѣе была смерть внутренняя; въ этомъ поставлялъ онъ главнымъ образомъ свое несчастіе, и потому терзалъ свою одежду и возносилъ вопли, заглушавшіе сильный шумъ волнъ; онъ плакалъ и скорбѣлъ въ это время всего болѣе о томъ, что убійственныя воды лишали водъ очистительныхъ, безъ которыхъ не надѣялся на соединеніе съ Богомъ. Въ пламенной молитвѣ ко Христу, изчисливъ всѣ чудеса Божіи, описанныя въ священныхъ книгахъ, Григорій произносилъ и такія, исполненыя сильной вѣры, слова: «Для Тебя, Господи, буду я жить, если избѣгну сугубой опасности. Ты утратишь Своего служителя, если не спасешь меня. И теперь ученикъ Твой обуревается волнами. Отряси сонъ, или приди по водамъ и прекрати опасность.» Вскорѣ за симъ послѣдовало исполненіе прошенія. Волны морскія стали укрощаться и корабль присталъ къ Родосу. Это быстрое укрощеніе бури всѣ бывшіе съ Григоріемъ на кораблѣ сочли прі-

обрѣтеніемъ одной молитвы Григоріевой, и тѣ изъ нихъ, которые были язычниками, по этому случаю приняли христіанство. Въ послѣдствіи Григорій узналъ, что онъ избавленъ отъ опасности и по молитвамъ своихъ родителей, которые извѣщены были о его бѣдѣ такъ же чрезъ свидѣніе, и которые, при воспоминаніи свидѣнія, такъ же усердно молили Господа объ избавленіи ихъ сына.

Изъ Родоса, гдѣ на нѣсколько времени остановился корабль, Григорій вскорѣ прибылъ въ Аѳины, и здѣсь около 6 лѣтъ посѣщалъ Аѳинскія училища, особенно слушалъ уроки лучшихъ того времени учителей — Имерія и Прозерсія; краснорѣчіе послѣдняго онъ называлъ новымъ громомъ въ Аѳикѣ. Но Аѳинамъ Григорій остался благодаренъ не столько за науки, сколько за утвержденіе дружества съ Василіемъ. «Аѳины, обитель наукъ, говоритъ онъ, если для кого, то для меня подлинно золотыя и доставили мнѣ много добраго. Онъ совершенно ознакомили меня съ симъ мужемъ, который одинъ и жизнью и словомъ всѣхъ былъ выше. Ища познаній, обрѣлъ я счастье, испыталъ на себѣ то же, что Саулъ; Саулъ, ища отцовыхъ ословъ, нашелъ царство, такъ что придаточное къ дѣлу вышло важнѣе самаго дѣла. Нѣчто подобное было и со мною (4, 66). Неразлучно проводя время съ этимъ другомъ и раздѣляя съ нимъ всѣ печали и радости, Григорій, по собственнымъ его словамъ, жилъ здѣсь какъ и всегда въ Божіемъ

страхѣ, и не только не увлекался за тѣми, которые въ порывахъ отважной стремительности предавались излишествахъ, но самъ привлекалъ друзей къ духовному совершенству (6. 12). Опытъ быстрого и вѣрнаго различенія добрыхъ товарищей отъ худыхъ, но притворныхъ, представляетъ сужденіе его объ Юліанѣ отступникѣ, который въ это время бралъ уроки въ философіи и краснорѣчіи также у Аонискихъ софистовъ. «Мнѣ не предвѣщали, говоритъ Григорій, ничего добраго: шея не твердая, плеча движущіяся и выравнивающіяся, глаза бѣглыя, наглыя и свирѣлыя, ноги не стоящія твердо, но сгибающіяся, носъ выражающій дерзость и презрительность, черты лица смѣшныя и тоже выражающія, смѣхъ громкій и неумѣренный, наклоненіе и откидываніе назадъ головы безъ всякой причины, рѣчь медленная и прерывистая, вопросы безпорядочные и несвязные, отвѣты ничѣмъ не лучшіе, не твердые и не подчиненные правиламъ; и я тогда же, какъ увидѣлъ его, сказалъ бывшимъ со мною: какое зло воспитываетъ Римская имперія! Предрекиши это, Григорій, желать быть ложнымъ прорицателемъ (1, 198), но къ сожалѣнію увидѣлъ въ послѣдствіи оправданіе своего предсказанія. ⁶⁾

6) Изъ этого отзыва св. Григорія объ Юліанѣ можно видѣть и то, что, по его мнѣнію, наука, извѣстная подъ именемъ физиогномики, не есть плодъ одного суетвѣрія, но имѣетъ для себя и довольно твердыя основанія.

Несмотря на строгость жизни Григорія и разборчивость въ знакомствахъ, даже и легкомысленные и разгульные товарищи весьма любили и почитали его (4, 77). Это особенно обнаружилось при отправленіи его изъ Аоины. Когда наступилъ тридцатый годъ жизни, Григорій рѣшился возвратиться въ отечество, вмѣстѣ съ Василиемъ. Того и другаго стали упранивать остаться въ Аоинахъ. Василій представилъ много причинъ, требовавшихъ скораго отъѣзда. Но для Григорія къ заклипаніямъ и слезамъ присоединили даже и насиліе. Съ великою поспѣшностію окружили его всѣ чужеземцы, близкіе знакомые, сверстники и даже учителя. Крѣпко схвативъ его за одежду и за руки, они сказали: «что ни будетъ, не выпустимъ отсюда. Почтенныя Аоины не должны лишиться тебя: онѣ по общему приговору отдадутъ тебѣ первенство въ словесности». Припоминая все это уже въ глубокой старости, св. Григорій замѣчаетъ: одинъ развѣ дубъ могъ противиться столькимъ слезамъ и убѣжденіямъ; и я уступилъ просьбѣ, впрочемъ не совершенно, потому что меня влекло къ себѣ отечество. Тамъ посвятить себя любомудрію, казалось мнѣ прекраснѣйшимъ дѣломъ. Туда привлекали меня и родители, обремененные старостию и временемъ. Поэтому не долго пробылъ я въ Аоинахъ, скрылся оттуда почти тайно и пустился въ путь чрезъ Константинополь (6. 13). Здѣсь Григорій неожиданно встрѣтился съ братомъ своимъ Кеса-